

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РУССКОГО СУФФИКСАЛЬНОГО ИМЕНИ НА *-КА* И ЕГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Л. И. Зубкова

Институт менеджмента, маркетинга и финансов (г. Воронеж)

Поступила в редакцию 12 января 2008 г.

Аннотация: в статье рассматривается функциональный потенциал имени на *-ка* на базе художественных произведений Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина. Национально-культурное своеобразие форм имени на *-ка* подтверждается способом их перевода на английский язык — транскрибированием, характерным для перевода безэквивалентной лексики с национально-культурной спецификой значения.

Ключевые слова: антропонимические суффиксы, национально-культурная специфика, коннотация.

Abstract: the article focuses upon the functional potential of the names with suffix *-ka* in the works of several Russian authors: F. Abramov, V. Astafiev, V. Rasputin and V. Shukshin. National and cultural specific character of these forms is supported by the ways of their translation into English language. The names are transcribed the same way as words with no direct equivalents in other languages with culture-specific meaning.

Key words: anthroponymic suffixes, national cultural specificity, connotation.

Антропонимические суффиксы — яркие и важные языковые средства, способствующие усилению эмоционально-оценочных возможностей русского личного имени собственного, появлению у него дополнительных коннотаций.

Прежде чем суффиксальные формы личных имен закрепились в русском языке, они прошли долгий путь развития. Антропонимический суффикс *-к* также имеет свою историю, наложившую отпечаток на восприятие производных форм имени. В грамотах XV в., как указывает И. А. Королёва, самый распространенный формант личного имени — суффикс *-к* не имел никакой социальной и стилистической дифференциации, за счет высокой активности формы имени с ним становятся своеобразными казенными штампами [1, с. 140, 151].

В период Московского абсолютизма в XVI—XVII вв. формы имен на *-ка/-ко* встречаются наиболее часто, но они уже приобретают уничижительную коннотацию, выражая униженное положение именуемого по отношению к более могущественному лицу: «Бояре и прочие лица верхов стали перед лицом великого князя Юрьками, Васьками, Денисками, а по отношению к низшим классам — «государями» [2, с. 126—127]. Эта форма стала обязательной в XVII в. В. А. Никонов также отмечает, что «даже боярин в челобитной царю именовал себя «холоп твой Ивашко» [3, с. 76]. Позднее вышестоящие стали называть этой формой нижестоящих, не

скрывая своего пренебрежения к ним. Старинный русский этикет о намеренном унижении себя при общении с вышестоящим был в ходу в течение длительного времени вплоть до специального указа Петра I. Сниженную стилистическую окраску форм типа *Петька, Нюрка* имел в виду В. Г. Белинский, писавший об ужасном зрелище в своей крепостной стране, где «люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками» (Белинский В. Г. Письмо к Гоголю // Избр. соч. — М., 1947. — С. 616). Следовательно, социально окрашенными могут быть не только определенные имена антропонимикона, но и суффиксальные формы имени.

Как показывает анализ, проведенный по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина, социальная дифференциация имен в настоящее время отсутствует, хотя социальная окраска имени, как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, все еще ощущается носителями языка [4, 57]. Обладая коннотативным признаком грубоватой фамильярности, формы на *-ка/-ха* придают общению стилистическую сниженность и могут быть неоднозначно социолингвистически истолкованы. И поныне, как показывают примеры из анализируемых произведений, суффиксальная форма на *-ка/-ха* все же, независимо от субъективных намерений говорящего, продолжает нести в себе элемент даже некоторого пренебрежения к человеку: — *Где Манька-то? — спросил Егор, чувствуя, что скоро может сорваться... — Она сказала, что*

зайдет на минутку к соседям. — Галина Петровна присела на табуретку. — А почему вы ее так — Манька? (В. Шукшин. Любавины); — Как тебя зовут? — спросил Виктор. — Филипп. — Филька, значит? — Ну, можно и Филька. Только я не люблю, когда так называют. Вроде прозвища. Филипп лучше (В. Распутин. Вниз и вверх по течению).

Эта форма передает оттенок фамильярности. Примером может служить отрывок из романа В. Шукшина «Любавины», в котором односельчанина Елизара Колокольниковца, ставшего партсекретарем в деревне, называют привычной формой Елизарка: — Так у нас же Елизарка теперь секретарит. — Егор улыбнулся.

Однако в подавляющем большинстве проанализированных случаев формы на *-ка/-ха* лишены пренебрежительной коннотации. Они уже не содержат уничижительного значения и употребляются по традиции, отражая многовековой способ именования, закрепленный в языке, характеризуют народный стиль речи: *У Марьюшки, или — по-уличному — Марьки, Федосьиной свекрови, в молодости была худая слава* (Ф. Абрамов. Незаконченный роман); *Возле большого штабеля бревен, гулко охая, бил деревянной колотушкой Мишка Коршуков, забивая сухой березовый клин в распиленный сугунок. (...) Вообще-то он был, конечно, Михаил, вполне взрослый человек, но так уж все его звали на селе — Мишка и Мишка* (В. Астафьев. Гуси в польнь); — *Надеха! Надеха, глупая! — закричала Авдотья. — Не съедят твоего Паньку. Дай ты ему с ребятами-то поиграть* (Ф. Абрамов. Пролетали лебеди).

Форма на *-ка* типична для наименования маленьких детей в деревне и приобретает уменьшительное значение: — *Я ить не себе, — сказала старуха. — Мне ниче-о не надо. Я это Нинке, холесенькой моей* (В. Распутин. Последний срок); *Во весь голос редела, сидя на полу, видно только что отпеленанная, самая младшая, Лидка, родившаяся уже без отца; всхлипывал возле кровати Петька; отвернулся к окну старший, Родька* (В. Распутин. Живи и помни).

Формы на *-ка* могут указывать на отношения близости, даже теплоты, например: *Вспомнился мой друг Ванька Ермолаев, слесарь* (В. Шукшин. Воскресная тоска). Отмечается, что форма имени на *-ка* может передавать оттенок ласкательности, например: — *А мне только пиджак новый сшили, хороший пиджак, бобриковый... Как раз к свадьбе и сшили-то, Егорка же и дал деньжонок...* (В. Шукшин. Чужие). Эта форма может выражать кокетство: *Они (Борис и Люся. — З. Л.) дурачились, позабыв о том, что шу-*

меть-то особенно и не надо бы. — У-у, увуой! Нельзя так! Я тоже проголодалась, — попрекнула она его и, схватив халат, выскользнула и зашуршала за дверью одеждой. — Эй, человек! — Борька, не балуй! — просунула она лицо меж занавесок, и было в ее быстрых, совсем уж приблизившихся черных глазах столько всего, что Борис не выдержал, рванулся к ней, но она сомкнула перед ним занавески... (В. Астафьев. Пастух и пастушка).

Сами писатели говорят о своих героях в тональности, которая близка деревенским жителям и тем, в ком живы деревенские корни: *Весной, в начале сева, в Быстрянке появился новый парень — шофер Пашка Холманский* (В. Шукшин. Классный водитель). Это придает повествованию характер непринужденности, достоверности в описании деревенской жизни.

Форма имени на *-ка/-ха* отмечается и в названиях произведений. У В. Шукшина это рассказы «Ленька», «Гришка Малюгин», «Игнаха приехал», «Стёпка», «Ванька Тепляшин», «Петька Краснов рассказывает», роман «Стенька Разин»; у В. Астафьева — рассказ «Яшка-лось», у Ф. Абрамова — рассказ «Стёпка», повесть «Алька».

Проведенный анализ выделенных суффиксальных форм имени на *-ка/-ха* показал, что они составляют почти 50 % всех суффиксальных производных имен, выделенных из анализируемых произведений писателей, оставаясь, таким образом, самыми распространенными в общении и в XX в. Суффикс *-к* может присоединяться к полной форме имени, например *Татьянка, Филиппка*, и к гипокористической форме этих же имен, например *Танька, Филька*.

Суффикс *-к* может накладываться на некоторые суффиксальные формы, образуя сложные суффиксы. Например, основа имени на *-ша* при добавлении суффикса *-к* образует суффикс *-шк* (*Аркашка, Игнашка, Илюшка, Кешка, Нюрашка* и др.), придающий именам фамильярно-ласкательную окраску: — *Игнашка!.. — сказал он и пошел навстречу Игнатию. Игнатий бросил чемоданы. Облапали друг друга, трижды — крест-накрест — поцеловались* (В. Шукшин. Игнаха приехал). Эта форма имени может передавать неуважительное отношение к взрослому человеку, что отмечается в следующем примере: *Был у нас поп Николай (по-старому отец Николай), в народе его звали Николашка, как никакого авторитета не имел...* (В. Шукшин. Мужик Дерябин).

Выявить национально-культурное своеобразие можно только через сопоставление языков. Национально-культурная специфика суффиксов

проявляется, во-первых, в том, что русский и английский языки не содержат аналогичных суффиксальных элементов, и, во-вторых, количество суффиксов для образования производных форм личного имени собственного в русском языке намного больше, чем в английском. Это объясняется тем, что «в английском языке, в отличие от русского, дериваты личных имен слабо связаны с их полной формой» [5, с. 9]. Они перестают восприниматься как таковые, приобретают статус самостоятельных имен, и, таким образом, происходит процесс сепаратизации полной формы личных имен и образованных от них дериватов [6, с. 59], которые могут функционировать в качестве официальных имен лиц.

Безэквивалентность русского личного имени собственного, в том числе форм на *-ка*, проявляется в способе их перевода на иностранный язык. Для данного исследования рассматривались переводы рассказов В. Шукшина и В. Распутина на английский язык (см.: V. Shukshin. *I want to Live*. — М., 1978; V. Shukshin. *Short Stories*. — М., 1990; V. Rasputin. *Money for Maria. Stories*. — М., 1989).

Анализ показал, что единственным способом передачи русских имен собственных в английских переводах является транскрибирование, т.е. фонемное уподобление имени собственного, звучащего на языке оригинала (русском), новому имени, формируемому в тексте перевода (английском). Этот способ применялся и к формам личного имени собственного с суффиксом *-к*, например: *Юрка вскочил и опять начал ходить по избе* (В. Шукшин. *Космос, нервная система и шмат сала*). — *Yurka jumped up and started pacing the room again* (V. Shukshin. *Outer Space, Nervous System and a Slab of Fatback*. Перевод Robert Daglish).

Однако соблюдение принципа фонемной передачи суффиксальной формы имени на *-ка* на английский язык не всегда соблюдалось. Отмечаются случаи замены их на полную транскрибированную форму: — *Была, Илюха! Была ноченька* (В. Шукшин. *Сураз*). — *I have, Puya! I've had a night of it* (V. Shukshin. *The Bastard*. Перевод Robert Daglish). Доверительно-дружеский тон общения в переводе не сохраняется. Перевод форм *Митька* и *Митрий* одной транскрибированной формой *Minka*, например, не может передать смену тональности общения в следующем отрывке: — *Я на Миньку в прошлом году обиделся... Я снимаю свой упрек, Митрий. Учтитесь*. (В. Шукшин. *И разыгрались же кони в поле*). — *Now I take my words back, Minka. Go ahead and study* (V. Shukshin. *See the Horses Gallop*. Перевод Robert Daglish).

В следующих примерах замена в переводе суффиксальных форм имени их сокращенными формами, нейтральными в стилистическом отношении, нивелирует разговорный стиль речи: — *Перво-наперво подай на Мишку на алименты. Маньке напиши, чтоб парнишку учила*. — *A Petya what should I say to Petya? — спросила старуха* (В. Шукшин. *Как умирал старик*). — *First of all, try to get some old-age support from Mishka. Write to Manya and say that boy of hers needs an education. — What should I say to Petya? — asked the old woman* (V. Shukshin. *How the Old Man Died*. Перевод Holly Smith). В другом же рассказе В. Шукшина «Ванька Тепляшин» встречаются три формы имени — полная *Иван*, гипокоритическая *Ваня* и суффиксальная *Ванька*. Переводчица Holly Smith передает все эти три формы имени транскрибированием суффиксальной формы *Ванька* — *Vanka* (V. Shukshin. *Vanka Teplyashin*). Доверительность фразы «*Где, Ваня?*» — «*Where is she, Vanka?*» и подчеркнутое уважение в реплике «*Не в этом дело. Зря ты, Иван*». — «*That's not the point, Vanka*» в английском переводе не передаются.

Неподготовленному английскому читателю различать стилистические оттенки русского собственного имени в транскрибированном варианте, указывающем на изменение тональности общения, довольно-таки тяжело, и, как отмечают С. Влахов и С. Флорин, «выйти из этого положения без потерь почти невозможно» [7, с. 223]. Наш анализ подтвердил выводы Г. Д. Томахина, что ономастическая лексика в целом обладает высокой национально-культурной маркированностью [8, с. 115].

Таким образом, формы имен на *-ка/-ха* многофункциональны, выражают грубоватую непосредственность, фамильярность, с одной стороны, и могут содержать коннотации доверительности, ласковости — с другой. Выбор форм для поддержания определенной тональности общения и ее смены предопределен нормами речевого поведения, выработанными в обществе. Любая смена в использовании формы имени прагматически значима и является средством характеристики коммуникантов и коммуникативной ситуации. Русские личные имена собственные относятся к безэквивалентным лексическим единицам с ярко выраженным национально-культурным своеобразием, проявляющимся на фонетическом, морфологическом, деривационном, стилистическом и прагматическом уровнях. В связи с национально-культурной обусловленностью коннотативного потенциала суффиксальных форм русских личных имен собственных адекватное восприятие транскрибированных форм с суффик-

сом -к для англоязычного читателя затруднено, что требует от переводчика поиска средств компенсации неизбежных потерь при переводе, чтобы избежать коммуникативного провала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Королёва И. А.* Становление русской антропонимической системы : дис. ...д-ра филол. наук / И. А. Королёва. — М., 2000. — 387 с.
2. *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев // Избр. труды. — М. : Просвещение, 1968. — 640 с.
3. *Никонов В. А.* Русская адаптация иноязычных личных имен / В. А. Никонов // Ономастика. — М. : Наука, 1969. — С. 54—78.

Институт менеджмента, маркетинга и финансов (г. Воронеж)

*Зубкова Л. И., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков
alusha06@list.ru
Тел.: 27-57-55*

4. *Верещагин Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. : Рус. яз., 1980. — 320 с.

5. *Чернобров А. А.* Лингвострановедческий анализ английских личных имен : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Чернобров. — М., 1994. — 284 с.

6. *Белецкий А. А.* Лексикология и теория языкознания : Ономастика / А. А. Белецкий. — Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1972. — 209 с.

7. *Влахов С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Междунар. отношения, 1980. — 352 с.

8. *Томахин Г. Д.* Америка через американизмы / Г. Д. Томахин. — М. : Высшая школа, 1988. — 239 с.

Institute of Management, Marketing and Finance (Voronezh)

*Zubkova L. I., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages
alusha06@list.ru
Tel.: 27-57-55*